

Геннадий Копытов

Берёзовый апокалипсис

Геннадий Копытов

Берёзовый апокалипсис

«Издательские решения»

Копытов Г.

Берёзовый апокалипсис / Г. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967070-0

Трудно рассказывать о себе. О далеких, яростных, непонятных, в то время, переживаниях... «Травы детства пахнут сладко-сладко, Остаётся горечь на губах...» Демидов В. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-967070-0

© Копытов Г.
© Издательские решения

Берёзовый апокалипсис

Геннадий Копытов

© Геннадий Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-7070-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О детях, но не для детей.

Друзьям и недругам детства...

«Травы детства пахнут сладко-сладко,
Остаётся горечь на губах...»
Демидов В.

В мае, я кое-как закончил седьмой класс и готовился к отправке в пионерский лагерь.

Мне было 14 лет, и я каждое лето, вот уже 12 раз подряд собирался туда...

Мать воспитывала нас с сестрой без отца, так как, тот находился в постоянных «отсидаках», и чтобы хоть как-то отдохнуть, она сплавила нас в пионерский лагерь каждый год, иногда на все лето.

Я знаю, что для многих детей летний лагерь – это беда, для меня наоборот – безмерное удовольствие, счастливая жизненная необходимость и значительная часть моего мировосприятия, впитанного мною «живяху в лесе». Всю зиму я ждал, видел его во сне. Когда был еще в старшей группе детского сада, во всех замороженных стеклах, в самом хаосе морозных разводов, я вдруг узнавал знакомую опушку соснового бора или мрачную дорогу в ельнике. Когда подрос, в 4—5 классах, рисовал неуклюжие пейзажи – все те же поляны и лесные дороги – во всех своих альбомах.

Пионерлагерь «Березка» состоял из двух частей. Северной – примыкающей к мрачному ельнику – там были детские дачи, и южной части, в которой находился собственно пионерлагерь. Южная часть территории выходила воротами на дорогу, ведущую к поселку Архангельский, западная часть – врезалась в березовую рощу. С востока лагерь и детские дачи, прикрывала серая стена смешанного леса.

Впервые я попал в пионерский лагерь (ясельные дачи), когда мне стукнуло аж год и три месяца, все по той же причине – отсутствие папиной заботы и крайняя бедность нашей семьи. Чтобы как-то нас накормить матери нужно было постоянно работать. Когда я родился, то уже втроем на пособие «по уходу» выжить было невозможно, а папины квитанции, «из мест л.», с переводом алиментов то на 1 рубль 38 копеек, то аж на 6 рублей (единственный раз) семейный бюджет не спасали. В три месяца я пошел по рукам родственников по отцовской линии Соколовых. Их развалюха была напротив завода и в обед мать прибегала кормить меня грудью...

Путевки в лагерь мамка получала в заводском профкоме льготные, как мать-одиночка (когда мне было восемь лет – родители развелись), а иногда вообще бесплатные, ко всему прочему она ежегодно побеждала во всяких соцсоревнованиях, была передовиком производства, приносила разные грамоты и медали, в которые, почему-то, не давала нам играть.

Так, что нас было проще, дешевле и спокойней отправить в пионерлагерь. Правда была еще в соседнем подъезде комната школьника от ЖЭУ, и там тоже организовывался бесплатный городской лагерь с кормежкой и кружковскими мероприятиями. Но вечером опять: дом, телевизор, курение, карты «под мелочь» в подвале и прочий досуг пионера. А городская вонь и пылица разве сравнятся с нашей березовой рощей?!

Я обожал пионерский лагерь. До сих пор вспоминаю нежных воспитателей и нянечек на детских дачах...

Мне было годика четыре. В группу к нам пришла удивительная воспитательница – лет девятнадцати-двадцати – Лариса Сергеевна. Красивее ее не было никого в мире. Все мальчишки были в нее влюблены, а она жестоко изменяла нам: каждый день к ней приходил местный механизатор, из поселка Архангельский, в десантной тельняшке – здоровенный колхозник. Говорили, в мае он вернулся из армии.

После завтрака Лариса водила нас в лес. Они с десантником сидели на бревне, а мы – малыши слушали рассказы ее жениха на одеяле.

Он складно заливал нам про прыжки с парашютом, про стрельбу из автомата и т. д. А один раз принес, украденную в армии ракетницу и бабахнул вверх красной ракетой. Другой раз поджег сигнальный патрон. Он горел ослепительным фиолетовым пламенем, рассыпая жгучие искры. Конечно же все эти прелести: и стремительно взлетающая между белесых стволов рыжая колючая звезда, и маслянистый бенгальский факел – заворожили нас, но не отвернули от главного. Мы-то понимали, что колхозник подмазывается к нам, чтобы отнять у нас Ларису Сергеевну... Мы ненавидели полосатого колхозника.

Однажды загорелась столовая. Было около пяти часов утра. Лариса Сергеевна вместе с нянечкой вывела нас сонных и напуганных малышей на улицу, подальше от дач, вынесли наши чемоданчики. Боялись, что огонь перебросится на другие домики. Мы хоть и дрожали, сидя на чемоданах, и сильно поначалу перепугались, но потом радовались, глупенькие, необычному костру.

Рядом со столовой, с западной стороны, росла березка. Она вся обгорела. Лет пять после пожара листья не росли на ней, потом все-таки пошли мелкие и желтоватые, а потом березка совсем поправилась, но ветки со стороны столовой все подгнили и опали, а росли только одной стороной – от столовой. Стала березка однобокая.

Столовая, собранная из фанерных щитов, поыхала лихо и долго, все никак не догорала. Красная пожарная машина, бампером, завалила последнюю не догоревшую стену, и вверх взлетели миллионы искр. Нашему ликованию не было границ. Мы загалдели: " Ура! Салют! » А Лариса Сергеевна грустно смотрела на нас, всех пытаясь обнять, как суетливых птенцов, и удерживала, чтобы мы не бросились помогать пожарным.

Пожарные баграми растащили головешки и уехали, а мы заскучили. Огненное представление окончилось, стало грустно.

Долго еще посреди лагеря торчал красный прицеп, забытый пожарными, несколько лет. Даже когда отстроили новую столовую – прицеп и береза все еще напоминали о пожаре.

4 июня.

Колонна пыльных автобусов выплеснула на лесное побережье архангельского леса три сотни мальчишек и девчонок.

Начались «лагерные мытарства».

В 1-ом отряде было много ребят из нашей секции дзю-до и самый фанатичный, среди нас спортсменов, мой друг – Мишка Строгов.

Я решил не выделяться из их среды, и поэтому бросил курить (во всяком случае, на лагерное время). Я продержался аж до июля! Все в угоду Строгову.

Где-то в середине очереди я познакомился с забавной девочкой. Ее звали, кажется, Рита. Она изредка позволяла мне приглашать себя на танцы под баян или на дискотеке. Она была уравновешенная, разумная, спокойная, начитанная. Я часто видел ее на стадионе пионерского лагеря. С книгой в березовой тени она сидела одиноко на трибуне...

На лицо была романтическая натура. Я иногда подсаживался к ней, и мы разговаривали. За давностью лет не помню о чем, но явно не о книгах, так как не знал содержание почти, ни одной книги из школьной программы – мне было недосуг читать, «нужно было гулять» (параллель прямо как у А. Лиханова в «Солнечном Затмении»!).

Ветер сдвигал от нас дырявый навес из листьев, и Рита накрывала глаза ладошкой. Открытая и забытая книга лежала на ее коленях. Когда я приходил и спрашивал: "О чем читаешь?" – чтение тут же забывалось. Юбка цветастого легкого платья обнимала ее крепкие, загорелые детские бедра.

Первый раз я увидел ее там случайно, а потом у меня создалось впечатление, что она специально приходит на стадион, надеясь, что я приду туда же. Мы никогда не договаривались о встрече (она стеснялась, а мне было не обязательно, безразлично). Просто, около двенадцати, я заходил на стадион, а она уже была там. Кажется, я ей нравился. Она мне тоже немножко.

Мне было, отчего-то, скучно в этой очереди. В прошлом году я познакомился в лагере с двумя разбитными чудаками из Москвы. Мы приловчились пить «портвейн» местного разлива и курить «Приму» в лесу за территорией лагеря. Прятали от водителя спички, сигареты и бутылки. В общем – блатная романтика.

А в этом году такая степенность меня угнетала. Маска была, явно, не по мне.

Некая Женя Лопатько, морочившая в начале смены голову Мишке Строгову, предпочла вдруг деревенского молодца. Какой-то нонсенс! Спортивного крепыша, отличника променять на прокуренного, заспиртованного погонщика совхозных мулов!?

Все свое раздражение я выместил на Евгении. При каждой встрече выливал на нее помойное ведро грязных ругательств. Мною использовались следующие термины и словосочетания: шлюха, шалава, с вонючим трактористом по кустам валяешься, с меринком совокупаешься и т. д.

Честно говоря, спустя семнадцать лет и сейчас краска заливает мне лицо, мне стыдно за ту травлю. Но прошу учесть: я не был пай-мальчиком, а даже скорее член подростковой дворовой шайки. В общем, этакий гаденыш...

Но именно в это время я уже строчил рассказы, морща лобик и бровки, и что-то пытался анализировать и сочинять. Странно – все это как-то уживалось во мне одновременно, и не конфликтовало...

Даром мне это не прошло. После вечерней линейки, из беседки, я наблюдал как на карусели мальчишки лапают девчонок. Заскакивают на ходу в сектор позади них и зажимают, стараясь ничего не пропустить – обычное вечернее пионерское занятие.

Карусель представляла собой трехметровый деревянный диск на заглубленной оси. Платформа (площадка) диска была разбита на сектора радиальными поручнями из труб. Вот на этой конструкции и маялись дурью школьники.

Я тоже частенько участвовал в этой игре. И всем участникам она, похоже, нравилась. Девочки хоть и визжали и для вида отбивались, но совсем не уходили.

Я думал, глядя на карусель: «А вот, если сейчас придет Рита, я запрыгну позади нее?»

Но Рита на карусель вечером не ходила. Наверное, взяла в библиотеке новую книжку и читала в палате.

Во мне боролись многие чувства: распушенность и стеснительность, слишком идеалистическое отношение к девочкам и полное презрение к ним. Причем это были два пограничных состояния к одному и тому же объекту.

Например: мне нравилась девочка из класса, при встрече у меня холодели руки, заплетался язык, путались мысли, а потом, когда она стала «не против дружить» со мной – осталось одно пренебрежение и сознание какой-то власти над ней. Девочки, которые признавались мне в любви, писали записочки, быстренько смещались в эту сумеречную зону забвения. Доступность обезличивала их. Я переставал видеть их красоту, и не понимал, в чем я ее находил? А когда эти лица доверительно приближались к самому моему носу для поцелуя – я вообще не узнавал никого, словно накидывали плоские намелованные маски...

Даже сейчас, много лет спустя, я пользуюсь этим тэстом на приязнь к очередной пассии!

Ночью, вплотную, когда она спит, я разглядываю ее лицо!!!

И жду: пробежит ли эта сумеречность безличия?

И если да..., то нет!

Мои созерцания карусели прервала Женя Лопатко. Она привела огромного колхозника лет восемнадцати. Они, как сейчас говорят, «наехали» на меня, заставили извиняться за «шлюху» и прочие скабрёзности. Я был загнан в угол. Молодцу я явно проигрывал в силе и наглости. Я сдался, за свинство надо платить!

Вообще-то у нас с местными давняя вражда из-за всего. Например – проиграла их команда нашей в футбол – матч автоматически переходит в драку, или самого активного игрока местные пинают в кустах.

Особенно лютой была вражда из-за девчонок. Та из них, кто начинала гулять с совхозными, – мгновенно переходила в разряд «предательниц», «подстилок» и блядей.

Напоминаю, что всем нам было тогда всего по 13—14 лет, а тут «здрасти – такие страсти!»

Деление сфер женского влияния обычно выходило не в нашу пользу. Совхозные имели больший успех у девочек, нежели чем мы, так как подкрепляли свой статус материальной базой. По вечерам они приходили на танцы, разодетые в резиновые сапоги, драные джинсы и телогрейки, с гитарами и магнитофонами. Некоторые прискакивали на лошадях, или односкоростных мопедах. У наших бедных дамочек от избытка материальных ценностей кружились головки, и они уносились в поля и леса на «газульках» и кобыльих задах.

У нас же, как у истинных пролетариев, ничего не было, кроме нежных мозолистых рук и влюбленных сердец.

Женю у Мишки отбил на танцах, тоже, какой-то наездник. Потом Е. стала постоянно вращаться с местными и посему пользовалась их покровительством. Я помню, как Михаил подошел ко мне обиженный после того танца:

– Ты запомнил его, Вань?

– Ага!

– Поймаем в Туле, убьем!

– Точно.

Тут откуда-то появился Женькин ухажер, похлопал Строгова по плечу.

– Морячок, не обижайся! – (Мишка всегда носил тельняшку под рубахой) -и ушел.

– А! Зассал!!! торжествовал Строгов по уходу крестьянина.

Что-то сомнительно. Странный эпизод, нетипичный. Единичный! Скорее всего – крестьянский сын совестливым оказался...

Однажды, весь день, был сильный дождь, и девочки из первой палаты предложили нам играть в «почту». Кто был в советских пионерлагерях знает какая это волнительная и замечательная игра.

Поясню. Игроки палаты мальчиков и палаты девочек выбирают себе номера от 1 до 10... 12 (в зависимости от числа желающих и количества коек в спальне) и пишут записки номерам другой палаты. Поначалу вслепую, наугад. Номеру от номера...

Выспрашиваются всякие «интимные» подробности типа: кто-кому нравится, кто-кого уже любит, есть ли у тебя мальчик (девочка) в лагере (дома, в школе) и прочие интересные вещи.

Записки туда-сюда носит почтальон. Вообще-то он должен быть независимым, но обычно сам вступает в переписку, уже наверняка зная кто каким номером является и имея свои шкурные интересы.

На этот раз почтальоном был наш детсадовский друг – пройдоха Мишка Чекалин.

Поначалу переписка носит строго стихийный характер – номера выбираются наугад, но обычно потом, почтальон корректирует прицельность попадания.

Я выбрал себе «четвертый» номер. За два рейса Чекалин мне ничего не принес, а большинство мальчишек нашей палаты уже строчили записочки, блаженно глядя в потолок и кусая шариковые ручки.

И я уже было собрался надеть сапоги и провести замер луж у дачи, как вдруг, почтальон принес мне бумажный, сложенный вчетверо, квадратик из листа в клетку; с надписью зелеными чернилами «4 от 12». Я развернул: «Как тебя зовут?»

Я написал: «Гена, а как тебя?» – и отдал Чекалину. Через минуту он принес целую кепку записок.

«Меня зовут Наташа. В каком классе ты учишься, и в какой школе?»

Я честно ответил: «Закончил седьмой класс средней школы г. Тулы. А ты?»

«Тоже седьмой, 52 школа. Есть ли у тебя сестры и братья?»

Ну, это неинтересно, ... Что за Наташа такая инкогнито?

Я написал самый сакраментальный вопрос: «Кто из мальчиков нашего отряда тебе нравится?»

Мне пришел удивительный ответ: «Ты, а тебе?»

Кто же это такая? Наташ в отряде было две.

– Чекалин, кто это «двенадцатый» номер?

Он хитро пожал плечами? «Не знаю...»

Небось читает в коридоре и подсовывает свои.

– Небось знаешь?!

– Не знаю!

Надо было засветить эту «Наташу», и в следующей записке я уклонился от прямого ответа. Не было смысла отвечать, не зная кому я там нравлюсь!

Ответ состряпал такой. «А как твоя фамилия?», забрал записочки у Чекалина и сунулся в девичью палату, но был остановлен дружным визгом. У меня отняли бумажки и вытолкали вон.

– Не шпионь! Чекалина пришли!

Почтальон-самозванец не прошел.

В девичьей палате пахло духами, печеньками и чем-то острым, запретным и таким желанным...

Чекалин несколько раз приходил с пустыми руками. Для меня ничего не было.

Но он ехидно ухмылялся и явно что-то скрывал, зажучивал. Наверняка уже прочитал ответ для меня, набивал цену – будет что-нибудь выпрашивать.

– Геныч, с тебя кило конфет!

– Нету у меня, все уже съел!

– Тогда пляши! Табе пакет!

– Давай сюда!

– Не, пляши!

Со словами: «А сейчас артист Вуячич вам чечетку...» отчубучил смесь цыганочки, лезгинки, чечетки и получил тетрадный конвертик со знакомыми зелеными чернилами. Внутри было всего два слова «Фокина Наташа».

Я обалдел! Это та самая... – симпатичненькая, грудастенькая, с полненькой попкой! Я давно заметил ее, но говорили, что она путается с местными и поэтому сразу же исключил из своего списка.

Такого просто не могло быть, чтобы я ей нравился! Бредни! Издевается!

Ведь я весьма странный парень. Чудаковатый. Недаром кличка у меня тогда была «Ваня». Этой кличкой я обязан Краснову Андрею. На «дзю-де» он трансформировал мое имя следующим образом: «Геннадий, Ганадий, Ванадий... Ваня.

Этот выдумщик закончил ВТАУ и возможно где-то постреливает...

Сейчас ВТАУ усилиями «Табуреткина» ликвидировано.

Вообще-то мне нравилась эта моя кличка, не то, что была у меня в детстве «Гендос-Паравос». Эту я люто ненавидел.

А «Ваня» соответствовал моему внутреннему устройству. Действительно, я был «Ванек»! Наверное, и по сию пору остаюсь таковым. Кое-кто из знакомых за глаза и теперь именуют меня «Ваней», думая, что это и есть мое настоящее имя...

Почта выплеснула мне на постель очередное послание.

«Ты мне не ответил! Кто тебе нравится из наших девочек?»

Ответ мой был неоднозначным.

«А ты не шутишь насчет меня?»

«Нет, а ты?»

«И я нет».

Чекалин, почему-то укатывался в ладошку.

– Ну, ты счастлив, Иван?...

– В каком смысле?

– Насчет Натахи?

– Ты что, читаешь, гад?

Мы потолкались в дверях, дружески, борясь, хватая друг друга за руки и талии, потом он убежал за очередной порцией бумажек.

На этом все собственно пока и окончилось, так как бумажные признания никого ни к чему не обязывали. Никто не бросался ни к кому в объятия и не лез целоваться.

Этим вечером, расходясь в коридоре, мы туманно перемигнулись, другой раз, я устроил в этом же проходе свалку и ущипнул Н. за бедро! Та ответила мне мощной оплеухой, после которой я расценил записочное признание как розыгрыш, и тут же остыл к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.